

Капитан Гу Янь, стоявший у дверей, перехватил взгляд Янь Пина.

— Здравствуйте. Я Гу Янь из управления полиции Облачного города. По делу о похищении детей появились новые вопросы, мне нужно ваше содействие.

— Входите, — негромко отозвался Янь Пин.

Гу Янь пододвинул стул и сел. Он принялся пристально разглядывать бледное лицо собеседника. При свете дня Янь Пин казался невзрачным — полная противоположность тому яростному, блестящему образу, что врезался капитану в память минувшей ночью. Вся былая стремительность и опасный блеск теперь словно спрятались глубоко под кожу, уступив место сонной апатии. Сейчас он походил на самого обычного симпатичного юношу, какими полны городские улицы.

— Врачи говорят, пуля задела легкое. Повезло, что обошлось без тяжелых разрывов, — заговорил полицейский. — Но последствия останутся: дыхание будет тяжелее, так что берегите себя.

Янь Пин смолчал, лишь равнодушно опустил взгляд.

— К сожалению, взять банду целиком не удалось, — продолжил Гу Янь. — Старуха Ли ушла. Ради вашей собственной безопасности мы пока не станем предавать огласке то, что вы совершили. Мало ли как сообщники захотят отомстить.

Янь Пин понимающе кивнул.

— За помощь в поимке особо опасных преступников руководство управления выписало вам премию. Оставьте позже номер счета, деньги переведут на карту.

Такой неожиданный поворот приятно удивил Янь Пина.

Покончив с формальностями, капитан перешел к официальному допросу. Подобную рутину обычно сваливали на рядовых следователей, и капитану убойного отдела вовсе не обязательно было возиться с ней лично. Гу Янем двигал исключительно профессиональный интерес — и капля личных подозрений.

В канву стандартного протокола он то и дело вплетал каверзные вопросы.

— Когда мы потеряли след, как вы догадались, что похитители направятся именно в уезд Лусянь?

Янь Пин наконец оторвал взгляд от одеяла и посмотрел на полицейского.

«Подозревает, значит?»

Неужели капитан решил, будто Янь Пин сам спланировал это похищение вместе с бандитами, а в последний момент переметнулся на сторону закона, чтобы обелить свою паршивую репутацию? Если вдуматься, версия не лишена логики. Судя по тому, какую дичь творил прежний владелец этого тела, от него вполне можно было ожидать подобной многоходовки.

— Я не был уверен, — равнодушно отозвался Янь Пин. — Обычный анализ, сопоставление фактов. Ну и капля везения.

— А боевые навыки? Вы где-то обучались?

— Да.

— Кто ваш наставник? Где вы занимались?

— Я талантлив от природы. Самоучка.

Гу Янь скептически хмыкнул, но спорить не стал. Вместо этого он обрушил на парня град дотошных, скользких вопросов. В каждом слове сквозило недоверие. Капитан несколько раз виртуозно менял тактику, прибегая к хитрым уловкам и психологическим ловушкам, которые обычно раскалывали подозреваемых, но Янь Пин уклонялся от них с грацией профессионала. Его ответы оставались безупречно гладкими, без единой зацепки.

«Крепкий орешек», — подумал Гу Янь.

Когда расспрашивать стало больше не о чем, капитан поднялся. Направляясь к выходу, он так и не смог понять, разгадал ли этот парень его игру или отвечал совершенно искренне.

Как только дверь закрылась, Янь Пин нажал на кнопку пульта, приподнимая изголовье кровати. Особых хлопот подозрительность полицейского ему не доставляла, но все же это раздражало. Подобные семена, упав на благодатную почву следовательского ума, пускают глубокие корни, а у Янь Пина хватало тайн, которые не стоило вытаскивать на свет божий. Теперь придется быть вдвойне осторожным. Лишняя головная боль.

Он потянулся к тумбочке, взял какую-то книгу и углубился в чтение.

Тем временем новость об успешной операции полиции Облачного города разлетелась по сети, мгновенно взлетев в топ поисковых запросов. Обеспокоенные родители бурно обсуждали изощренные уловки, к которым прибегали похитители. В таком возрасте дети любопытны,

доверчивы и обожают игры. Любая яркая безделушка, обещание показать фокус или угостить сладостями — и ребенок уходит вслед за чужаком. Сколько ни тверди им правила безопасности, детская наивность все равно берет верх.

Узнав о похищении племянника, Гу Юань первым же рейсом вылетел из Столичного города. У постели маленького Гу Цзина, который метался в беспокойном сне, он почувствовал, как земля уходит из-под ног. Лицо Гу Юаня, и без того бледное, сделалось совсем бескровным.

Шагнув ближе, он дрожащими пальцами коснулся опухшей щеки мальчика. Накатившая волна нежности и жалости сдавила грудь так сильно, что перехватило дыхание. С трудом сделав вдох, он опустился на край постели. Ноги его не держали. Еще немного, самая малая доля секунды — и он лишился бы единственного близкого человека.

— Кэ-кх... кх-кх... — Он почувствовал, как горло сдавило спазмом, и глухо, надсадно закашлялся, спешно зажимая рот ладонью.

Боясь потревожить сон племянника, Гу Юань поспешно выскользнул в коридор. Он привалился к стене, сгибаясь от душащего кашля. В этот миг он походил на тончайший фарфор, покрытый сетью невидимых трещин, готовый рассыпаться от малейшего прикосновения. Бессонная ночь, утомительная дорога и пережитый ужас окончательно подорвали его силы. Его слабое, измученное болезнями тело едва справлялось с нагрузкой.

— Гу Юань? — раздался удивленный голос.

Откашлявшись, он поднял голову. Перед ним стоял молодой врач в белом халате.

— Сколько лет, сколько зим! Наверное, ты меня уже и не помнишь, мы учились в одном классе. Я Ду Чжун.

— Ду Чжун... Помню, конечно, — Гу Юань скользнул взглядом по бейджу стажера.

В школьные годы Ду Чжун был веселым, открытым парнем, душой компании. Трудно было представить, что он свяжет жизнь с медициной.

Ду Чжун грустно улыбнулся, разглядывая старого знакомого. Былое изящество Гу Юаня померкло под гнетом изнурения. Его взгляд, когда-то горевший жадой жизни и амбициями, теперь напоминал затухшие угли. Лишь невероятная сила воли удерживала это хрупкое тело в вертикальном положении, придавая ему сходство с несгибаемым сухим деревом на ветру.

Если бы не Янь Пин, который в свое время безжалостно растоптал его будущее, Гу Юань никогда бы не превратился в эту бледную тень. В Первой экспериментальной школе он был легендой — гением, перед чьим умом преклонялись и учителя, и сверстники. Больше всего окружающих поражала его педантичность. Жизнь Гу Юаня подчинялась строгому распорядку,

где каждая деталь подгонялась одна к другой с точностью часового механизма. Никакой лени, никаких пустых мечтаний — только движение к заветной цели. Порой казалось, что у него вообще нет слабостей, присущих обычным людям.

Но потом Янь Пин ворвался в его судьбу, доказав, что Гу Юань — обычный живой человек, способный страдать. И сломал его, лишив шанса на блестящую карьеру в лучшем вузе страны.

Ради спасения тяжелобольного отца юноше пришлось подписать кабальный контракт с агентством. С того самого дня он забыл, что такое отдых. Тяжелое бремя долгов, смерть отца, безжалостная эксплуатация продюсеров — пять лет непрерывной каторги. Съемки, записи песен, изнурительные концертные туры без сна и передышки. Но даже в этом аду он доказал, что действительно одарен богом. За что бы он ни брался — за роли, хореографию или вокал, — всё доводил до абсолютного совершенства.

Три года подряд он забирал звание самого кассового актера Страны Хуа. За пять лет карьеры он снялся в десятках проектов, большинство из которых стали национальными хитами, а одну из его кинолент критики признали вехой в истории кинематографа. Он расплатился за этот триумф собственным здоровьем. Забравшись на самый Олимп шоу-бизнеса, Гу Юань совершил невозможное: со скандалом разорвал контракт, выплатил неустойку, лишившись буквально всего, и навсегда исчез с экранов.

Они поговорили еще немного о пустяках, после чего Ду Чжун попрощался. Он так и не решился упомянуть, что в этом же крыле сейчас лежит Янь Пин. Гу Юань наверняка до глубины души ненавидел этого человека, а сам он, с его израненным сердцем, мог просто не выдержать новой встречи.

А у дверей палаты самого Янь Пина тем временем завязалась странная возня.

— Сходи ты, — шепотом зудел Цинь Хуань, дергая Чжун Наня за рукав.

— Еще чего. Пусть лучше он идет, — Чжун Нань пихнул стоявшего рядом Гу Юя.

— Я не сумасшедший, — буркнул Гу Юй и перевел взгляд на Ван Сяо. — Может, ты?

— Исключено, — отрезал тот.

Спор пошел по новому кругу.

Янь Пин, у которого от этой комедии за дверью уже начинала побаливать голова, отложил книгу. Поняв, что препирательства могут затянуться до вечера, он просто поманил их рукой:

— Ну и чего вы там топчетесь? Заходите.

Троица и их предводитель замерли, сообразив, что их раскрыли. Переглянувшись, они нехотя, бочком, точно провинившиеся школьники, ввалились в палату. Парни уставились на Янь Пина, растеряв всю свою былую спесь.

В их памяти Янь Пин оставался законченной тварью с совершенно непредсказуемым характером. Визгливый самодур из столичной золотой молодежи, который мог мило улыбаться, а через секунду ради потехи столкнуть тебя в бассейн. Он упивался своей безнаказанностью: заставлял гордых людей ползать перед ним на коленях, затягивал невинных в грязь и презирал каждого, чей банковский счет уступал его собственному. Еще в школе он превратил жизнь бедных, но талантливых ребят, поступивших по грантам, в сущий кошмар. Настоящий зачинщик травли, хитрый и изворотливый как гадюка. Руководство школы раз за разом пыталось поймать его за руку, но из-за отсутствия прямых улик все ограничивалось бессмысленными выговорами. Эгоистичный, жадный мерзавец, лишенный даже зачатков сострадания.

Таким они его знали. И тем труднее им было уложить в голове, что этот же человек вчера, рискуя собственной шкурой, бросился на вооруженных похитителей ради спасения чужих детей. Это не укладывалось ни в какие рамки.

А ведь виновниками его ранения фактически были они сами. Не подними они шум, преступники не бросились бы бежать, ребенок бы не проснулся, и Янь Пин не лежал бы сейчас здесь, бледный как смерть, с простреленным легким.

Смесь жгучего стыда и невольного уважения заставила их прийти сюда. Но теперь, стоя у кровати, они глупо молчали, пытаясь разглядеть в его лице хоть какие-то ответы. Почему он так изменился? Действительно ли это тот самый Янь Пин?

Под их пристальными взглядами Янь Пин почувствовал легкое раздражение. Он понимал, что его поведение кардинально отличается от выходов прежнего владельца тела, и это неизбежно породит вопросы. Однако ломать комедию и изображать из себя капризного барчука он не собирался.

К счастью, репутация Янь Пина была соткана из слухов. Да, он вел разгульный образ жизни, а желтая пресса приписывала ему романы со всеми подряд, но всё это было лишь ширмой. Горделивый столичный франт на самом деле никого не подпускал к себе близко. Настоящих друзей у него не водилось, а все связи были исключительно поверхностными. Проще говоря, за исключением тех родственников, что сейчас мотали срок за решеткой, никто в этом мире не знал истинного Янь Пина. Для него все эти «друзья» были едва ли ближе случайных прохожих.

— Слушай, мы тут подумали... — первым нарушил молчание Цинь Хуань. Он нервно облизнул губы, будто решаясь на прыжок с обрыва.

Янь Пин даже отложил книгу, заинтригованный столь серьезным видом парня.

— Давай обменяемся контактами в мессенджере.

Янь Пин удивленно приподнял бровь. Такого предложения он явно не ожидал.

— Ты пострадал из-за нас, — торопливо добавил Цинь Хуань. — Если в будущем тебе понадобится помощь здесь или в Столичном городе, просто дай знать. Но уговор: мы поможем только один раз.

Янь Пин молча протянул ему свой телефон. Отказываться от добровольного долга чести было бы глупо — в жизни всякое случается, а связи лишними не бывают.

В этот момент дверь распахнулась, и в палату стремительно вошел Бай Фан, ведя за собой лечащего врача. Сам он едва успел вздремнуть полчаса после перевязки, как велел ему Янь Пин, но усидеть на месте не мог. Заметив столичную компашку, Бай Фан злобно сощурился и наградил их тяжелым взглядом. Он прекрасно помнил, из-за чьей глупости похитители забили тревогу.

Цинь Хуань и остальные поспешно отвели глаза и, пробормотав что-то невнятное, поспешили ретироваться.

Янь Пин вздохнул — упрямство названного брата утомляло, но, видя искреннее беспокойство в его глазах, спорить не стал и послушно позволил врачу провести осмотр.

Врач прослушал легкие, измерил давление и, нахмурившись, принялся диктовать Бай Фану длинный список предписаний. Тот прилежно записывал каждое слово в блокнот, бледнея с каждым пунктом. Как только доктор ушел, Бай Фан повернулся к постели, шмыгнув носом и, глядя на бескровные губы брата, расплакался.

— Брат... — всхлипнул он, опускаясь на корточки у кровати и заглядывая Янь Пину в лицо. — Поехали со мной в Столичный город, а? Там я смогу за тобой ходить, буду готовить тебе полезное, на ноги тебя поставлю!

Он канючил без остановки, умоляя брата согласиться. В его представлении Янь Пин в провинции совсем опустился — докатился до сбора мусора! О каком самостоятельном уходе могла идти речь?

— В Столичном городе у меня врагов больше, чем волос на голове, — мягко оборвал его Янь Пин. — Пока я в Облачном городе, они до меня не дотянутся. Вернуться туда сейчас — всё равно что самому залезть в петлю. Будем честны, А-Фан, ты не сможешь меня защитить.

Из глаз Бай Фана покатались новые слезы. Хлюпая носом и морщась от боли в сорванном

горле, он упрямо прохрипел:

— Тогда я останусь здесь. С тобой.

Янь Пин негромко рассмеялся. Из-за болезненной бледности черты его лица смягчились, лишившись привычной резкости.

— А как же твое шоу? Бросишь?

— К черту шоу.

— И семью в Столичном городе оставишь?

Вся родня Бай Фана жила в Столичном городе.

Парень замялся, но быстро нашелся:

— Ну... тогда я подожду, пока ты окрепнешь, и только потом уеду.

Янь Пин посмотрел на него сверху вниз. Здоровый лоб, а скулил сейчас как побитый щенок.

Скользнув взглядом по его разбитому лицу и обмотанной бинтами шее, под которой все еще темнели жуткие кровоподтеки, Янь Пин вздохнул. Он приподнял край своего рукава и небрежно вытер слезы с щеки названного брата.

— Ладно, уговорил. Едем в Столичный город.

Бай Фан так и просиял, шмыгая носом. Заметив мокрый след на рукаве брата, он слабо улыбнулся:

— Брат, ты вечно так делаешь...

Янь Пин лишь снисходительно хмыкнул. Когда воодушевленный парень умчался улаживать дела с выпиской, улыбка мгновенно сползла с лица Янь Пина. Он вновь стал безучастным и лениво перевернул страницу.

По большому счету ему было плевать, где жить. Просто не хотелось лишний раз возиться с переездом. А слова о том, что А-Фан не сможет его защитить, были лишь удобным предлогом, чтобы отвязаться. Если уж на то пошло, глупые столичные недоброжелатели его ни капли не пугали.

К тому же переезд в Столичный город позволял избавиться от навязчивого внимания капитана Гу Яня. Под его цепким и подозрительным взглядом проворачивать свои дела было бы крайне неудобно.

<http://bllate.org/book/18369/1865373>